

«Что такое лагерь? Это детство!»

История российских сирот, которых «закон подлецов» оставил без родителей

Новая газета, 29.11.2013

<http://www.novayagazeta.ru/society/61203.html>

Автор: Виктория Ивлева

Все началось, конечно, с Каринны* и нашего разговора январским вечером.

Вообще-то беседовать с Каринной довольно сложно, потому что она параллельно переписывается с кем-то в скайпе, строчит в фейсбуке, правит очередную жалобу в ЕСПЧ, грызет семечки и, рыча на всех и страшно вращая глазами, думает...

Разговор наш шел о «законе Димы Яковлева». Никто не мог понять, отдадут ли американцам хотя бы тех детей, по которым уже принято решение суда. Почему-то в России детей после суда маринуют еще месяц в том же детском доме, это называется — «до вступления решения в законную силу». За месяц этого маринада и был принят ФЗ-272.

— Слушайте, — сказала я, — а вот дети, которые познакомились с американцами и даже поверили, что это их мама и папа, но не дошли до суда, — их-то теперь точно не отдадут?

Каринна подумала пару минут, потом, разом оставив все дела, оторвалась от компьютера, отодвинула семечки и выпалила:

— Нарушение восьмой статьи Европейской конвенции. Право на семейную жизнь.

Ребенок знает, что это его мама и папа, и ему дела нет ни до какого суда. Я думаю, мы сможем подать жалобу в ЕСПЧ! Вы — со мной? — даже не спросила, а утвердила она.

**Каринна Москаленко — выдающийся российский адвокат, член Московской Хельсинкской группы*

Через день я уже сидела в «Лавке братьев Караваевых» напротив Алены Синкевич, специалиста по усыновлению и многолетней сотрудницы агентства по усыновлению «Хэнд-ин-Хэнд», на тот момент еще существовавшего. Алена была в полной растерянности, потому что в Москве в это время находились в ожидании суда, перенесенного по семейным обстоятельствам с декабря на январь, американцы Адам и Джоди Хьюн, которые исправно, каждый день, как и требовал закон, ходили к своему малышу в детский дом, и все трое привязывались друг к другу все больше и больше...

Хьюны и стали нашими первыми заявителями в ЕСПЧ, от них и через них протянулась веревочка к другим родителям, а моя жизнь превратилась в сплошную географию. Я звонила во Владивосток (плюс 7 часов), потом в Солт-Лейк-Сити (минус 11), потом в Биробиджан (плюс 6), а мне в это время названивали из Питтсбурга (минус 9), потом я говорила с Красноярском (плюс 4), потом с Каринной в Страсбурге (минус 2), потом с Санкт-Петербургом, а заканчивала день Волгоградом через Новосибирск (плюс 3) с коротеньким перезвоном с Нью-Йорком (минус 8) и Калифорнией (минус 12). Мне рассказывали про новых и новых судей, принимавших незаконные решения, про удивительную судью по фамилии Наконечная из Владивостока, которая отдала решение на руки, а потом позвонила домой и велела принести его обратно, про сотрудников ФМС, отказывавшихся делать ребенку паспорт, про сотрудников детских домов, не отдававших детей и запрещавших свидание с ними, несмотря на вступившее в силу решение суда. Мне звонили сидевшие по всей стране в гостиницах совершенно растерявшиеся американские родители. Мне рассказывали про новых и новых детей, которым американские мама и папа обещали вернуться, но не вернутся уже никогда, и постепенно выяснилось, что всего таких российских малышей — около трехсот. Из них в Страсбург отправились несостоявшиеся родители тридцати двух.

И как обычно, никто никому ничего не объяснял. Какие-нибудь будущие судьи в какой-нибудь другой, будущей России обязательно еще скажут об этом — «с особой жестокостью».

Все последующие события тоже будут происходить с особой жестокостью.

Через несколько дней я отправлюсь с американской семьей К-нов забирать их девочку из дома ребенка в Коломне. Мы будем ехать в полном оцепенении, мама вообще просидит молча всю дорогу, прижимая к себе решение суда, по которому именем Российской Федерации с 6 декабря девочка стала носить имя Кемден Брукс. Пойдет неприятный мелкий снег, станет еще тоскливее, и чем ближе мы будем к дому ребенка, тем больше будем бояться, что нам не откроют двери, или девочку не отдадут, или арестуют по дороге обратно и заберут ребенка...

Мы добредем до входа, позвоним, нас проводят в кабинет к милой приятной главной врачихе, мы обменяемся с ней какими-то ничего не значащими фразами, которые повиснут в воздухе, а потом она скажет совершенно будничным голосом:

— Ну что, пошли за девочкой? Она сегодня весь день волнуется.

И тут мама, Шерри К-н, впервые за все время медленно и несмело улыбнется.

С К-нами я проведу еще два дня, снимая историю о них, и прямо на моих глазах детдомовский человечек чудесным образом превратится в человечка любимого. Бедная Шерри постоянно будет чего-то опасаться, а я, наоборот, очень ею гордиться и всем вокруг хвастаться, до тех пор, пока тетка в продуктовом, которую я попрошу выбрать нам детское питание и объясню, для чего и кого, не скажет — вот они там, в Америке, убивают наших детей, и Шерри очень тихо, но очень твердо попросит меня никому не говорить, что она удочерила в России девочку с синдромом Дауна.

В последний день, когда Шерри с Кемден пошли в посольство за визой для девочки — и это было последним испытанием перед отъездом, — а мы со старшими детьми ожидали их в кафе, я не выдержала и опять похвасталась этой потрясающей американкой, женой небогатого железнодорожного служащего и мамой троих детей, младшая из которых — ровесница Кемден и тоже с синдромом Дауна. И девочка-официантка скажет, пожав руки старшим Шерриным детям:

— Какие же вы ответственные, если не боитесь брать в семью чужого ребенка. Пусть будет вам счастье!

Так и сказала.

Еще через несколько дней появилось разъяснение Верховного суда, что тех детей, по которым решение суда принято, надо все-таки отдать. После этого стало как-то полегче для тех, кто приехал за детьми, и совсем безнадежно для тех, чьи дела суды не успели рассмотреть.

Ни один судья Российской Федерации после принятия «закона Димы Яковлева» не разобрал детское дело по существу, то есть попытавшись выяснить, а действительно ли эти американские граждане недостойны забрать ребенка из России и сделать его своим родным. Все сваливали на новый закон, и получалось, что все американские родители причастны к нарушениям основополагающих прав и свобод граждан Российской Федерации — какие уж тут дети!

Американские дипломаты крылатыми ракетами сновали туда-сюда, шли какие-то переговоры, вернее, это американцы считали, что переговоры шли, России-то все было понятно, РОССИЯ БЫЛА НЕПРЕКЛОННА, и в результате НЕ СРАБОТАЛО НИЧЕГО.

Звонившие мне обезумевшие родители все пытались понять, что же тут может сделать какой-то Страсбург, и как это маленький французский городок указывает большой и могущественной Москве. В ответ мне приходилось читать короткую лекцию про Страсбургский суд, обязательность выполнения его решений, и главное, про Европейскую конвенцию по правам человека. Так, в бесконечных ликбезах, постоянных разговорах с адвокатами, перезвонами с добрым старым другом, переводчиком Дерексом Андерсеном, который бесплатно переводил все наши обращения в ЕСПЧ, в добывании тех или иных документов, боданиями с судами и в составлении досье каждого

из решивших идти в Страсбург, проходили мои дни. Потом и месяцы. Ни на что другое времени уже катастрофически не хватало.

Я много раз спрашивала себя, зачем вообще я, журналист и фотограф, влезла в это дело, стала добровольным помощником Каринны, связующим мостом между юристами, родителями и детьми, ходоком и бесконечным звонильщиком по разным учреждениям? И ответ выходил все время один, до неприятности пафосный, но совершенно честный, — из любви к России и стыда за нее. Ну и еще из страстного желания спасти от детдомовской судьбы хоть одного сироту.

Утром 4 марта я приехала в Петербург, где нам с одной из заявительниц по имени Джина Коулман предстояло выколачивать документы, изобличавшие российское правительство в сообщении главному Суду Европы неправды.

Джина

Здравствуйтесь, Виктория!

Я приезжала в ноябре 2012 года, чтобы встретиться с маленькой девочкой, которую я хотела удочерить из Санкт-Петербурга. Мы с ней сразу сошлись и подружились. Ей два с половиной года, и у нее ВИЧ. Я буду очень признательна, если Вы сможете помочь. Я в прямом смысле дышать не могу от происходящего, так сильно я ее люблю. Пожалуйста, дайте мне знать, если вы можете помочь, и благословит Бог все ваши усилия.

Солт-Лейк-Сити. 14 января 2013, 15.24.37

Ей сказали, что я ее мама, и она называла меня мамой с самого первого моего посещения. Пожалуйста, умоляю вас, согласитесь бороться за мою девочку. Она для меня — весь мир. Я сделаю для нее все что угодно.

Из заявления Джинны Коулман в Европейский суд по правам человека:

«...Привели Эвелину. Она была напугана, плакала и дрожала. Я сразу же взяла ее на руки, чтобы успокоить, и так и начались наши отношения.

Я целовала ее сладкие щечки, обнимала, когда мы играли, и она уже сама тянулась ко мне за поцелуем и объятиями... Она безутешно плакала, когда ее уводила воспитательница. Мое сердце в этот момент разбивалось на миллион кровоточащих кусочков. У меня не было и тени сомнения, что эта маленькая девочка должна быть моей дочерью и что я сделаю для нее все что угодно.

Я подписала у нотариуса официальное согласие на удочерение Эвелины. Каждый день я проводила с ней несколько часов в доме ребенка. Она всегда бежала мне навстречу с улыбкой на лице и кричала: «Мама!» Это был уже совсем другой ребенок, а не та заплаканная и боящаяся девочка, которую я встретила всего пару дней назад. Мне было ясно, что она поняла, как сильно я люблю ее! Видя, как она реагирует на мой уход, я держала ее на руках, когда за ней приходили воспитатели. В конце моего третьего посещения она повернулась ко мне, прижалась лобиком к моему лбу, у нее затрясся подбородок, и она заплакала, глядя мне в глаза. Во время нашей последней встречи я повторила ей несколько раз: «Мама вернется. Не завтра, но очень скоро. Мама вернется. Я люблю тебя».

Потом я с ужасом следила за тем, как президент России запретил мое удочерение.

Эта маленькая девочка — моя дочь. Мы с ней встретились, она называла меня мамой, она плакала, когда я уходила. Она абсолютно расцвела, поняв, что есть кто-то, кто ее так сильно любит. Любой ценой я должна вернуться к ней. Я должна. Другого пути просто нет. Я не могу себе представить, какой сокрушительный удар будет нанесен по психике этой драгоценной девочки из-за того, что маму вынуждают отказаться от нее в угоду международной политике. Она заслуживает совсем другого. Я знаю, что за два с половиной года, которые Эвелина

провела в государственном детском доме, к ней никто не приходил, ею не интересовался ни биологический родственник, ни любой другой гражданин России».

Вот такая была эта Джина.

Джинино заявление в составе общего письма четырех заявителей поступило в ЕСПЧ 23 января. Мы все замерли, даже боясь предполагать, когда же будет хоть какой-то ответ. Он пришел через пять дней: Суд направил свои вопросы российскому правительству, обязав правительство ответить на них до 18 февраля. Правительство ответило день в день, и вот из этого-то ответа за подписью правоведа Георгия Олеговича Матюшкина, заместителя министра юстиции РФ и представителя РФ в Европейском суде, мы и узнали, что Джина встречалась со своей девочкой только один раз, соответственно, никаких близких отношений с ребенком у нее и быть не могло. Правительство считало, что Джине в ЕСПЧ делать нечего, поскольку она даже в российском суде не была, то есть не использовала все средства судебной защиты внутри страны. Забегая вперед, скажу, что все попытки Джины, ее представителей и адвокатов хотя бы просто подать документы в городской суд Санкт-Петербурга закончились ничем. В письме, подписанном судьей, было сказано: «У вас отсутствует процессуальная возможность подачи в суд подобных заявлений».

Рано утром Джина встретила меня на вокзале, и началась наша северная эпопея.

Собственно говоря, она началась чуть раньше, когда Джинин адвокат пыталась получить сведения о встречах Джины с девочкой от главного врача дома ребенка по адвокатскому запросу. Главный врач письма не давал, но и не отказывал совсем категорически, и как-то становилось понятно, что вот лично Джине он, возможно, письмо бы это и вручил. Но мы решили все-таки подстраховаться и попробовать добыть такую справку еще и в органах опеки.

Письмо про то, сколько дней Джина на самом деле виделась с девочкой, нам в опеке уже почти было отдали, но тут я допустила тактическую ошибку, рассказав, что правительство обмануло суд. В ту же секунду воздух пропитался ненавистью и холопством, начальница сказала, что все документы — практически военная тайна, отдать их — как Родину предать, и велела своим двум девчонкам-подчиненным немедленно записывать наши слова. Одна из них тут же включила телефон на запись. У Джины покатались слезы из глаз, я была в бешенстве от собственной глупости, а от их — и давно.

Оставалось попробовать пойти к председателю муниципалитета. В очереди к нему стоял какой-то господин, мы стали проситься пропустить нас вперед, рассказывая вздохом про суд и девочку. Тут господин сказал:

— И не пропущу, и правильно, что вам детей не дают, вы их там мучаете!

И тут Джина, глотнув воздуха, спросила:

— Может быть, вы возьмете мою девочку к себе? У нее ВИЧ и задержка психического развития. Возьмите, а?

Господин ничего не ответил, повернулся и пошел вниз по лестнице.

А дальше нас спас председатель муниципалитета, он просто вызвал к себе даму из опеки и задал ей один вопрос: какой закон мы нарушим, если дадим справку?

Оказалось, никакой. И справка была выдана. Потом дама вышла за нами в коридор и вдруг сказала: «Удачи вам, девчонки. Может быть, что-нибудь и получится. Я здесь всякого навиделась, сердце на работе прячу в железную клетку».

И мы ей все простили. Во всяком случае, я.

Дом ребенка на Выборгской стороне, в котором жила обожаемая Джинной маленькая девочка, находился за высоким каменным забором с башенками, по виду напомиравшим крепостную стену. Изнутри крепостная стена была разрисована собачками, кошечками, птичками и цветами. Мы вошли в здание.

Главного врача звали Нугзар Давидович, и он был кандидатом медицинских наук..

Мы долго и подробно рассказывали ему про суд, и он согласно кивал, потом он долго и подробно рассказывал нам про свою практику главного врача и про то, что дальнейшая судьба детдомовских детей складывается так печально в основном из-за их генетики. А мы пытались что-то лепетать о всеокрушающей силе любви, но он нас не слышал или не хотел слышать. Справку тем не менее дать согласился и вызвал для этого социального работника. Это была молодая женщина с очень суровым официальным видом.

Они согласовали текст. Он был такой: *«Личные встречи кандидата Джинны Коулман с Эвелиной проходили с 28.11.2012 по 01.12.2012. Каждая встреча продолжалась не менее двух часов».*

— Пожалуйста, — сказала я, — вы же знаете, что Джина и девочка очень привязались друг к другу, напишите это в справке тоже. Во многих справках других заявителей это написано.

— Моя функция заключается в том, чтобы писать то, что требуется, — жестко ответила Социальная Функция.

И, конечно, ничего не добавила.

Мы попали в дом ребенка в самый тихий час, и все то время, пока шла беседа с главным врачом, думали об одном: вот где-то рядом, прямо в нескольких метрах от нас, тихо сопит в подушку маленькая девочка, которую любит единственный на всем белом свете человек — американка Джина Коулман. А больше ее никто не любит и никогда не любил. Мысль о том, что Эля рядом, что в принципе можно совсем запросто увидеть ее спящую мордочку или подоткнуть одеяльце, сводила с ума. Мы понимали, что общаться с ней в сложившейся ситуации, наверное, не надо для ее же блага, но вот просто увидеть, просто услышать ее легкое дыхание...

И мы стали просить, нет, мы стали умолять Нугзара Давидовича быть милосердным.

— Ну, пожалуйста, — захлебывались мы. — Она ведь спит. Она даже и не узнает никогда, что мы приходили. Ну, хоть в замочную скважину. На одну секунду. Может быть, в последний раз в жизни. Ну, пожа-а-а-алуйста...

— Нет, — сказал он, опустив голову. — Я не могу этого сделать. Меня уволят с работы...

Так странно — мне стало его бесконечно жаль...

Потом у меня неудержимо потекли слезы, а как у Джинны не разорвалось сердце, я просто не знаю.

— Уходите, — сказал он. — Уходите немедленно отсюда. Я не могу...

Мы встали и вышли. Нугзар Давыдович вышел вслед за нами и нервно закурил на крыльце. Социальная Функция повела нас к выходу. По дороге выяснилось, что у нее есть свой маленький ребенок — двухгодовалый, как и Эвелина.

— Можно я сфотографирую Джину здесь, на качелях? — спросила я Функцию.

— Не положено, — ответила Функция.

Вечером того же дня мы уехали в Москву.

Каждый Джинин день начинается с того, что, включив компьютер, она лихорадочно бродит по всем возможным усыновительным сайтам Санкт-Петербурга, пытаюсь понять, не собирается ли кто-

нибудь взять ее девочку. Пару раз нам ошибочно говорили, что Элю кто-то забрал или собирается это сделать, — и Джина просто сходила с ума. На сайте дома ребенка время от времени вывешиваются фотографии разных событий детской жизни. И там Джина несколько раз видела дочку. Эвелина даже умудрилась засветиться в новостях, когда в дом ребенка приезжал Павел Астахов. И теперь у Джины есть трехсекундное видео с ней. Никаких других возможностей узнать хоть что-то о девочке у Джины нет.

И я не знаю российского закона, которым бы это было обусловлено.

Витя

В начале марта появились Х-сы, муж и жена из Калифорнии, с печальной историей о том, как Федеральный закон 272 разлучил родных: одиннадцатилетний брат Витя остался в детском доме города Прокопьевска Кемеровской области, а пятилетняя сестра Женя живет с родителями в местечке Смартсвилл.

О существовании Вити американцы узнали только на суде и, честно говоря, обалдели. Почему им не сказали, что у Жени есть брат, непонятно. Надо сказать, что Женя Витю никогда в жизни не видела, мама от Вити освободилась в его раннем детстве, потом еще погуляла немного, попила — и Женя получилась.

Х-сы, конечно, решили Витю брать. Нашли в Америке русского адвоката, который почему-то затеял долгую и не очень разумную переписку с прокуратурой, потом начался сбор документов, потом родителей полупениво водило за нос агентство по усыновлению, потом, поскольку они давно хотели взять ребенка-инвалида, другое агентство предложило ВИЧ-инфицированную девочку в Твери, а первое сказало, что двоих сразу в разных местах страны усыновлять нельзя. И они стали думать — брать Витю или маленькую больную девочку, которую до них предлагали российским усыновителям семьдесят четыре раза; решили чуть-чуть сдвинуть поездку к Вите и взять девочку, тем более что в Твери все шло, в отличие от Кемерова, очень быстро.

И вот тут правофланговые запевалы в Кемеровском совете народных депутатов в июне 2012 года приняли закон Кемеровской области о том, чтобы не отдавать кемеровских сирот американцам, потому что с 1990 года, то есть больше чем за двадцать лет, в Америке погибло двое деток из региона. Никто из депутатов, конечно, не вспомнил детский дом городка Мыски Кемеровской области, где УМЕРЛИ двадцать семь сирот в течение двух с половиной лет (следствие установило, что умерли сами, от неизлечимых болезней, и худые были, как в Освенциме, тоже от неизлечимых болезней)...

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Совершенствование Закона Ирода](#)

Кемеровская прокуратура обжаловала этот закон — и выиграла. Закон отменили. Это было 12 декабря 2012 года. На усыновление Вити оставалось восемнадцать дней.

Так Витя остался в распоряжении государства.

Удивительно, что в тот момент, когда Кемеровский совет народных депутатов принимал закон под названием «О защите прав и интересов детей-сирот», единственным ребенком, у которого в Америке была родная сестра и которого хотели к ней забрать, был Витя.

Господа депутаты! Спасенный вами от американских родителей конкретный маленький русоволосый мальчик и сейчас живет в детском доме. Навестите его! Он будет рад, я не сомневаюсь!

К Вите я и поехала, чтобы выяснить, а хочет ли он жить с сестрой и родителями в Америке, или предпочитает оставаться в государственном ведении Российской Федерации. За время незаконного кемеровского моратория Витю успели перевести в другой детский дом, коррекционный, номер которого мы нашли через десятые руки, устойчивой связи с ним не было.

Витин детский дом находился на улице Ветеранов в районе с названием Буфер, прямо рядом со старым кладбищем. Он состоял из двух корпусов — жилого и школьного. В жилом никого не наблюдалось, а в школу дверь была заперта изнутри.

Я позвонила. Меня долго выспрашивали, кто я и к кому, потом в конце концов запустили.

Директором оказалась вполне себе милостивая женщина в прямоугольном платье серого цвета.

Во встрече с Витей мне было отказано совершенно решительно и сурово — только с разрешения вышестоящих товарищей.

— Ну ладно, — сказала я. — Пойду в администрацию. Только вот я тут ему конфет московских понавезла, вы уж передайте.

— Нет, — ответила она, железно улыбаясь. — Не передам.

— Почему?

И серое платье на молнии ответило:

— Я не могу исключить угрозу терроризма.

— С моей стороны? — проямлила я, обалдев.

— Да, с вашей.

Я вышла. За мной было 4 тысячи зря проделанных километров, девочка Женя и ее родители, у которых никак не получалось стать родителями мальчика Вити. Впереди же не было ничего, кроме непробиваемой стены тупости, равнодушия и страха.

Во дворе школы вертелась красивая девчонка лет пятнадцати. Она-то и сообщила мне, что с минуты на минуту ожидается приезд уполномоченного по правам ребенка из Кемерово, поскольку дети написали, что им плохо живется.

Я спросила про Витю, и мы договорились, что она приведет Витю ко мне после школы.

В управлении образования встретиться с мальчиком мне тоже не разрешили, но пообещали дать Витину фотографию и письмо для сестры.

Я поехала обратно и сначала наблюдала за приездом уполномоченного, потом за идущими из школы в спальный корпус детьми, среди которых, наверное, был и Витя, потом пошла ждать девочку. Она не появилась.

«Ты чё стоишь, Ивлева? — спросила я себя. — То, что ты сейчас делаешь, в интересах этого несчастного, никому, кроме двух американцев, не нужного ребенка? Да? Тогда вперед».

Я обошла детский дом и вошла в спальный корпус с мешком конфет наперевес. Меня окружили дети, и кто-то из них привел Витю.

Это был плохозубый маленький мальчик в коротковатых штанах, по моему разумению, выглядел он лет на 8, хотя было ему уже почти 12.

— Витенька-я-от-твоей-сестры-женечки-которая-в-америке-она-тебя-любит-и-мама-и-папа-тоже-и-они-прислали-тебе-подарки, — выпалила я, чтобы успеть до того, как меня погонят. Но меня не гнали, а подошедшие взрослые — наверное, воспитатели — предложили нам с Витей зайти в какую-то комнату и поговорить. И только мы там уселись, и я отдала Вите конфеты и всякую ерунду, как раздался телефонный звонок и вопль: ОНИ ИДУТ К ВАМ!

Это надвигались платье на молнии и уполномоченный по правам ребенка.

И меня, как красного партизана, спасающегося от наступающих на пятки врагов, быстро провели по коридору, потом в кухню и вывели на улицу через боковую дверь. Проститься с Витей я не успела.

На следующий день мне передали написанное Витей письмо. Все в нем было хорошо, и жизнь у Вити, судя по этому письму, задалась офигительно: и спортом занимается, и в самодеятельности участвует, и в Сибири живет. И почерк ровный, и ни единой ошибочки, даром что в коррекционной школе учится! Гладенькое такое письмо, как ноги у девушки из рекламы бритвенного станка.

Я понимала, что все это — какая-то ложь и что я, видимо, бессильна перед ней.

А дальше в моей прокопьевской жизни появились Митя и Миша. Кто они такие — я до сих пор так и не знаю, но почему-то все проходившие по центральной улице парни с ними почтительно здоровались, а Митя и Миша великодушно кивали в ответ. Встретила я дружбанов на пороге департамента образования, где один из них безуспешно пытался понять, когда же ему, сироте, наконец-то дадут давно обещанную квартиру. Мы разговорились, я спросила, где можно купить мобильный телефон, они повели меня в какую-то лавку, а по дороге я рассказала им историю Вити и его сестры.

Митя и Миша как-то призадумались, потом сказали: щас мы тут кое с кем поговорим, вы ждите нас в кафе.

Через полчаса Миша и Митя появились вновь, а вместе с ними и два подростка, Андрюха и Саша.

— Расскажите им, что вам нужно, — сказали Митя и Миша.

Я рассказала.

— Пошли, — сказал Андрюха, сплюнув. — Пошли по рельсам, чем автобус ждать, деньги платить. Мы его вам приведем. Сигареты у вас есть?

Мы побрели по рельсам. По дороге Андрюха рассказал мне свою жизнь. Было ему 17 лет, жил он в том же детском доме, что и Витя, выпускался через месяц. Имелась у Андрюхи, по его словам, даже девочка любимая, с которой он только что расстался, приревновав, и сын от этой девочки. Родители Андрюхины умерли, а про родного брата Андрюха сказал так:

— Мы с ним не дружим, у него характер, как у мамы был. Девчачий (он употребил словцо покрепче). А я в отца — драться люблю.

— А чего драться-то?

— А за все. Ну вот, допустим, если мои кроссовки куда-то закинули — я сразу в репу.

— А что будешь делать после детского дома? — спросила я.

— Ну чё? Пить буду и драться. Ну, потом посадят.

Я представила, как через несколько лет и Витя кому-нибудь так будет рассказывать...

Мы сошли с железной дороги и огородами вышли на задворки детского дома.

Андрюха ушел... Через несколько минут к старой прачечной вывернула утренняя девочка, она вела за руку Витю.

— Только недолго, — сказала девочка.

Как выяснилось позже, серое платье дало распоряжение следить за Витей особо и никого к нему не подпускать.

Что уж там я в спешке бормотала Вите, точно и не упомяну. Девочка и Андрюха нас теребили и торопили каждую секунду. Митя и Миша стояли на дороге, посматривая в разные стороны.

— Витя, — сказала я. — Ты хочешь уехать к сестре и родителям в Америку?

— Да-да-да-да-да! — сказал Витя. Я тогда не знала, что у него привычка такая смешная есть, дакать много раз подряд.

— Ну, так и напиши.

Витя приложил листок бумаги со своим гладким письмом Жене к деревянной стене, начал что-то корябать, ручка не писала, в это время кто-то появился на дороге, девочка ойкнула, тревога оказалась ложной, но ручка все равно не писала. Мы свернули в чей-то двор, там была скамейка, а перед ней — огромная собака на цепи и старик.

— Дедушка, можно мальчик вот тут кое-что напишет на скамеечке, — попросила я.

— Чего ж нельзя!

Мы присоседились на скамейке, Витя писал, девочка бегала от нас к прачке, из-за которой они с Витей появились, и торопила нас, собака дико лаяла, старик для виду махал на нее руками, а Витя муслякал ручку и писал. Написал он вот что: *Я хочу штоб миня забрали из дтского дома! 30 апреля 2013 г. Витя Б-ов.*

— Витюнчик, — сказала я. — Тебе на днях привезут телефон, мама, папа и Женя смогут тебе звонить, и вот тебе еще игрушечный бегемот. Давай, когда я буду звонить, я буду спрашивать, здоров ли бегемот. Если здоров, значит, можем говорить, никого не боясь ...

— Да-да-да-да-да! — отбарабанил Витя. — А твой номер в телефоне будет? А бегемота я назову Димкой.

Так, с Димки и его здоровья начинались наши с Витей разговоры.

Ну что еще про Витю?

Его перевели обратно в нормальный детский дом, он занимается по индивидуальной программе, и к нему ходит хорошая пожилая учительница. Витя ей доверяет, она сама сказала мне об этом с гордостью. В старом детском доме дети Витю дразнили американцем, и даже от зависти и злости порвали провод от его зарядки, а потом и вовсе сломали телефон. Пришлось покупать замену. В новом к Вите относятся хорошо, а главное, там находится Витин старый друг Санька.

Я звоню Вите пару раз в неделю, мы болтаем, иногда Витя читает мне стихи, которые он учит к праздникам, например, такие:

Что такое лагерь?

Это детство!

Детство — наше главное наследство!

Только ради этого жить на свете стоит!

Витя декламирует их особенным чеканным голосом.

Последнее время я читаю Вите по телефону книжку. Книжка называется «Нелло и Патраш», ее держала в руках еще моя мама, когда была маленькой девочкой. Это история нищего мальчика-сироты, который хотел стать художником и мечтал увидеть полотна Рубенса в местном соборе. Полотна мальчик увидел, но погиб, замерзнув на холодном полу церкви. Конца истории Витя еще не знает.

Раз в неделю, по выходным, Вите звонят мама, папа и сестра из Америки. Вернее, они набирают мой номер и Витин, и мы разговариваем втроем. Я перевожу. У меня пять утра, у Вити восемь, у Жени с родителями — пять часов вечера предыдущего дня.

— Хэлло, — говорит Витя.

— *I love you, Vitya!* — кричит из Америки Женя.

— *Vitya, what did you have for breakfast?* — спрашивает папа.

— Каша и какао, — отвечает Витя.

— *Cool*, — говорит папа. — *Me too*. — И добавляет: — *Vitya, ya nemnogo govoryu po-russki*.

Витя смеется.

Вокруг шумят дети, и иногда бывает очень плохо слышно. Как-то раз Витя разговаривал с нами из туалета, чтоб потише, — но это было в старом, плохом детском доме, там, где серое платье.

Потом мы прощаемся до следующей недели.

Я вот все думаю, почему они не могут это делать, сидя за большим круглым столом дома — на улице О'Брайан в городке Смартсвилл, Калифорния, Соединенные Штаты Америки.

На днях у Вити был день варенья. Я долго ломала голову, что ему подарить, чтобы другим не было завидно. И позвонила в Прокопьевский драматический театр. Я не знала там ни одного человека, даже по имени не знала, но — театр все-таки лучшая вещь на свете! — они согласились мгновенно, придумали там что-то и...

— Они показывали нам про Солдата и Розу, — тараторил мне потом радостный Витюнчик. — Они пили с нами чай с конфетами и подарили мне настольный хоккей!

— А ты знаешь, кто все это устроил? — спросила я хитро.

— Нет, — сказал он. Потом задумался и закричал: — Это ты?

— Это мы все вместе, — ответила я, засмеявшись.

Здесь должна была стоять фотография нашего героя, мальчика Вити. Но российское государство, сурово следящее за правами сирот, запрещает публиковать их фото без согласия опекуна. Вместо снимков Вити мы печатаем фотографию из семейного альбома Дианы Герсон, одной из заявительниц в ЕСПЧ. Она сделала этот альбом специально для своей дочки Олечки, которая продолжает жить в доме ребенка в Санкт-Петербурге.